

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ АНАЛИЗА ЯПОНСКИХ ЧАСТИЦ

Большое влияние на язык оказывают культурные особенности страны. Одним из уникальных проявлений японской культуры можно назвать феномен аниме. Язык этих фильмов отражает разговорные особенности времени и служит показателем уровня вежливости персонажа, его социального статуса и других важных сторон изображаемой личности. В том числе речь персонажей аниме отражает и гендерные особенности японского языка.

В нашем исследовании были использованы материалы трех аниме: «Мой сосед Тоторо» (в дальнейшем «Тоторо»), «Небесный замок Лапута» (в дальнейшем «Лапута») и «Унесенные призраками». Все аниме созданы выдающимся японским режиссером Хаяо Миядзаки. Его работы отличаются единым подходом и стереотипным классическим использованием языка, и именно поэтому они были избраны для анализа. В исследовании отражается попытка проследить изменения, произошедшие в японском языке, поэтому рассмотрены «Лапута» и «Тоторо», вышедшие соответственно в 1986 и 1988 гг. и аниме «Унесенные призраками», увидевшее свет в 2001 г., следовательно, отражен пятнадцатилетний временной период.

Практическое исследование включило в себя три этапа, последовательных уточняющих специфику употребления частиц японского языка с точки зрения гендера. Первый этап посвящен определению общих для мужчин и женщин частиц и частиц, которые относятся только к мужской речи или только к женской речи. При этом важно отметить, что, относя избранную частицу к одной

группе, мы не исключаем возможности незначительного употребления данной формы представителями другой группы. Это связано с учетом индивидуальных особенностей говорящего, его самоидентификации, а также нестандартных условий, характеризующих ситуацию выбора того или иного языкового средства для выражения мысли. Например, возможно употребление мужской частицы *дзо* в женской речи, когда говорящий разговаривает сам с собой. В результате первого этапа исследования выявляются также возможные причины игнорирования гендерного фактора в случаях с общими частицами. Например, влияние системы старшинства (по должности или возрасту), ярко отражающейся в употреблении частицы *на*, нейтрализует гендерный фактор и переводит его воздействие на уровень сочетания частиц. В случаях с употреблением частицы *нэ* важное влияние оказывает исторически и ментально обусловленная особенность японской речи, направленная на апеллятивное обращение к собеседнику и проявляющаяся в речи и мужчин, и женщин.

Второй этап исследования направлен на количественное описание частотности употребления избранных частиц. Поскольку объектом изучения в данном исследовании является образ человека и модели взаимосвязи между этими образами, то предполагается множество характеристик, их описывающих, в том числе и экстралингвистических. Метод математической статистики применяется с целью охвата и описания целостной системы этих характеристик. В результате анализа случаев использования 11 частиц (*дзо*, *дзэ*, *на*, *я*, *касира*, *маа*, *ва*, *но*, *ара*, *ё*, *нэ*) определяются их особенности с учетом гендерных характеристик персонажей аниме. Составляются таблицы.

На третьем этапе практической части исследования выявляются наиболее часто употребляемые частицы для мужских и женских персонажей. Для достижения большей точности результатов круг анализируемых случаев использования частиц очерчивается репликами персонажей, имеющими не менее 50 высказываний. Таким образом мы избегаем завышенного процентного соотношения между общим числом реплик (вероятно малым) и числом реплик, содержащих интересующие нас элементы.

Согласно данным, представленным в исследовании, частица *дзо* чаще употребляется мужчинами, но есть случаи употребления частицы и женщинами: как правило, это грубая женская речь с повелительными элементами. Повышенная частотность употребления этой частицы зафиксирована в речи молодой девушки, что иллюстрирует утверждения ученых о тенденции стирания гендерных различий в речи молодых людей.

Частица *на* активно используется мужскими и женскими персонажами аниме. Из 15 персонажей только один не произносит её, остальные в той или иной степени ею пользуются. В мужской речи частотность употребления *на* равномерна и колеблется в пределах 10%. В женской речи эта величина крайне неравномерна – от 0% до 29,49%. Такое явление можно объяснить психологическими особенностями женских характеров, изображенных в аниме, учетом ситуативного фактора.

Частица *но* имеет рекомендательный характер, так как наибольшая её частотность зафиксирована в речи главных героинь – от 4,1% до 9,24%. Но её употребление нельзя отнести лишь к речи девочек, она встретилась и в речи мужских персонажей, и в речи взрослых женщин.

Наиболее употребляемой частицей является частица *е*: средняя или высокая частотность её употребления зафиксирована практически у всех персонажей независимо от пола или возраста. Аналогичные выводы можно сделать и о частице *нэ*, но с учетом меньшего процента частотности. Последний колеблется от 0,68% до 39,74%, в то время как тот же показатель для частицы *э* составляет от 2,05% до 42,31%.

Часто употребляемые частицы встречаются как в мужской речи, так и в женской, однако распределение частотности использования неравномерно. Для частицы *нэ* оно составляет 66 и 130 случаев употребления для мужской и женской речи соответственно, что указывает на примерно вдвое большее количество апеллятивно окрашенных высказываний в женской речи. Таким образом, иллюстрируется вывод о том, что одним из важных различий с точки зрения гендера является присущая женщинам склонность к использованию конструкций, позволяющих полно выразить внимание к собеседнику и его мнению, подчеркивающих второстепенность собственных мыслей говорящего.

Подобным же соотношением характеризуется фактор эмоциональности речи. Например, женщины используют высказывания с частицей *э* примерно вдвое чаще, чем мужчины (общее число реплик с *э* – 98 и 218). То есть стремление усилить значимость произносимого путем присоединения специфических единиц свойственно и мужчинам, и женщинам, однако в большей мере такая характеристика речи присуща женщинам, во многом она бывает обусловлена психологическими факторами.

Тенденция к смягчению повелительных конструкций – показатель, который ярче прочих иллюстрирует общие черты разговорной речи. Описанное в данном исследовании при помощи заключительной частицы *на* количественное выражение стремления сгладить повелительную окраску высказывания примерно одинаково для мужской и женской речи – соответственно 98 и 90 случаев использования. Таким образом, тенденция к смягчению повелительных конструкций, возможно, носит не гендерный характер, а обусловлена особенностями японского менталитета.

Характерной чертой мужской речи представляется стремление к доминированию в беседе. Так, например, частица *дзо*, встретившаяся в женской речи лишь 9 раз, а в мужской 52 раза, указывает на уверенность говорящего в произносимом, предупреждает возражения или сомнения в смысле высказывания. Критерий категоричности суждения, рассмотренный в исследовании, и его количественные показатели обуславливают такую важную характеристику японской мужской речи, как ведущая роль в разговоре и влияние на собеседника с акцентом на мнение говорящего. Следовательно, анализируемая часть частицы является показателем маскулинности в речи.

Учитывая ярко выраженную мифологическую насыщенность ПИ, шкала психологических свойств располагается по линии «прекрасное/ужасное», «герой/злодей»). Исследователи отмечают, что ПИ делятся на универсальные, входящие в культурный фонд человечества (типа *Моцарт* – гениальность, *Иуда* – предательство, *Гитлер* – злодейство), и «национально-детерминированные», т.е. те, которые разделяются только представителями более локальных культурных сообществ, у которых есть свои «национальные герои» и свои «национальные злодеи»: *Западный человек считает, что ему необходимо некоторое усилие, чтобы стать человеком в подлинном смысле слова, как образом Божиим – откуда учеба, труд, ежедневное преодоление трудностей мира сего, жизнь как долг. Восточный обладает образом и подобием Божиим изначально, он спасен ныне и присно и во веки веков (...)* И тот и другой путь запутан, как два разросшихся лабиринта, которые никогда не сойдутся. Уследить все тропы невозможно, сверху увидеть – не дано. Но если свести к архетипу, то он нам известен со школы – *Обломов* и *Штольц* (НГ 2003, 23.10).

В ПИ с особой очевидностью также присутствует технология минимизации, с помощью которой в массовом сознании актуализируется минимальный набор признаков (нередко один признак), с помощью которого происходит моментальное соотнесение имени *Обломов* с «качеством» или «свойством» в культурном сообществе: 1) инфантильность: *Трудно вообразить, что когда-то он (герой) был способен на решительные поступки, вроде побега с любимой. Скорее, инфантильный герой, такая реинкарнация Ильи Ильича из пьесы того же автора и спектакля *Облом-off* – все та же тоска по цельности, та же невозможность цельного существования* (НГ 2006, 17.03); 2) отстраненность, своеобразный русский дзен-буддизм: *Водочный человек типично русский. Обломов. Незнайка. Дарвин и пророк, шлемизл и неудачник* (НГ 2004, 7.10); 3) любовь к России: *Можно сказать, что все мы потомки Ильи Ильича Обломова. Обломов – фигура в нашей культуре очень важная. В целом положительная, благородная личность* (АиФ 2005, 12.01); 4) неторопливость: *Я живу, как Обломов. Нет, я работаю, езжу на фестивали, но все как-то без надрыва, не так, как у других актеров. Надо жить, как живется* (АиФ 2000, 30.10); 5) лень: *Обломов и Емеля в одном флаконе. Мы предпочитаем получать средства не по труду, а по желанию и потребностям. Лень у нас в почете* (АиФ 2003, 24.09).

Система прецедентных имен представляет собой, по сути дела, систему эталонов национальной культуры. Эталон же можно понимать как образную подмену свойства человека или предмета какой-либо реалией-персоной, реалия, выступающая в функции "эталона", говорит не о мире, но об «окультуренном» мировидении: *На вопрос «НГ», что такое Россия в сознании Гринуэя, режиссер ответил: «Прокофьев, Эйзенштейн, все клише – Пушкин, Толстой, Красная площадь, Обломов»* (НГ 2001, 15.11).

го этикета по материалам письменных памятников, позволяющее определить ее особенности на конкретном этапе истории русского языка с учетом жанровой и стилистической специфики анализируемых текстов. В этом плане особой ценностью обладают эпистолярные памятники, в которых непосредственно зафиксированы различные речевые ситуации и соответствующие этикетные средства их выражения.

Наблюдения над языком частной переписки XVII века выявили такую особенность старорусской традиции письменного общения, как существование устойчивой семантической связи между формулами, выражающими разные коммуникативные интенции. К анализу были привлечены письма лиц неодинакового общественного положения: помещиков, представителей духовенства, членов государевой семьи; временной интервал выбран достаточно широкий: целое столетие – однако названные параметры оказываются незначимыми при осмыслении природы этой связи.

Традиционное выражение вежливого побуждения к действию в письмах представляет собой последовательность этикетных оборотов, сопровождающих собственно формулировку просьбы, напр.: *И вамъ бы, Великому Государю, пожаловати, техъ ихъ поместей не велети въ роздачу роздавати...* (от патриарха Филарета своему сыну, царю Михаилу Федоровичу, 1619 г.) [Письма Русскихъ Государей и другихъ особъ Царскаго семейства. М., 1848. Т. 1. № 25, с. 54-55]; *прошу твоего жалованя пожалуи братецъ Иван Василевич поговори еи чтоб она ко мне пришла...* (от помещика помещику, к. XVII в.) [Котков С.И. 1984, с. 260]; *Пожалуйте... беите челом бга ради радетьельно и прилежно ожидая за работу мзды себе от бга* (от земского старосты помещику, 1685 г.) [Грамотки XVII – нач. XVIII в. 1969. № 441, с. 271]. Здесь и далее в примерах графема «ять» заменена на «е»; другие особенности печатных источников сохранены. Следующие высказывания – типичные примеры выражения благодарности: *челом бью на твоем гсдря моего жаловане что ты жаловал меня кормил и поил и за тог твою милость мздовоздател гсдь бгъ* [Там же. № 215, с. 116-117]; *А что пожаловаль еси, Государь, поволилъ мне... божественныя литургии и вечерни слушати... и язъ... на вашемъ жалованье Бога молю, благословляю и много челомъ бью* [Письма... № 354, с. 276]. Нетрудно заметить, что перформативы *прошу* и *челом бью*, глаголы, называющие предмет просьбы (*не велети роздавати, поговори*) и предмет благодарности (*что кормил и поил, позволил слушати*), сопровождаются тождественными по значению и даже одними и теми же словами и выражениями, интенсифицирующими вежливость и различающимися только грамматическими характеристиками: *пожалуи* – *пожаловал*, *жалованя* – *на жалованье*, *мзды от бга* – *мздовоздател гсдь бгъ*. Условно определим это явление как реализацию «отношений тождества» между этикетными оборотами.

Иной тип отношений представлен между вербальными средствами выражения благодарности и упрёка. В письмах отражено буквальное смысловое

противопоставление этих ситуаций: выказывая недовольство, пишущий может слово в слово и в той же последовательности использовать обороты, которые употребляются и в контекстах благодарности, однако в негативной форме: ср. приведенные выше примеры и *не челом бью на твоём жаловане что не жалуеш не пишеш ко мне* [Грамотки... № 22, с. 25]; ср. благодарность *Да спаси бгъ Ивану Шапошникову...* [Там же. № 429, с. 262] – и упрек *на том не спаси тебе бог что напоил пьянова* [Котков С.И., Панкратова Н.П. 1964. № 48, с. 42]. Точно так же вербально и композиционно связаны выражение признания вины и заявление об отказе повиниться, ср.: *...выноват пред богом и тобою гсдрем прогневил сплутал сошол и нне пошман...* [Грамотки... № 146, с. 81], *в том я сирита твои винаватъ пред тобою гсдрям своим прогневил тебя гсдря что...* [Котков С.И., Панкратова Н.П.... № 47, с. 200] – и *...я гсдрь вины не знаю свои за што гневъ твои ко мне* [Там же. № 20, с. 74]. Такую связь обозначим как реализующую «отношения противопоставления».

Приведенные примеры двух типов отношений между этикетными способами выражения речевых ситуаций не уникальны, но традиционны для языка писем, причем уже послания XVI века демонстрируют аналогичные связи. «Отношения тождества» обнаружены только среди оборотов – интенсификаторов вежливости, сопровождающих информативную часть высказывания (*пожалуй - пожаловал*). Противопоставляться могут как этикетные обороты, собственно выражающие авторское намерение (*челом бью – не челом бью*), так и усиливающие вежливость интенции, эмоциональный тон общения (*просьба покажи милость – упрек немилость показал – предупреждение буде милости не покажешь*). Разумеется, не обязательно каждое этикетное выражение одной ситуации общения имеет коррелят – оборот другой речевой ситуации, однако количество пар и даже рядов семантически связанных формул значительно.

Выявление названных отношений между элементами этикетной системы в старорусском языке ставит перед исследователем ряд вопросов. Во-первых: рассматривать ли обороты, различающиеся грамматически и модально, как употребление одной и той же этикетной конструкции в разных контекстах или как разные формулы, принадлежащие к разным ситуациям общения? Во-вторых: каково происхождение этого явления, а именно, существовали ли подобные отношения среди формул устной речи, или здесь представлена традиция именно эпистолярного общения, или отражено влияние текстов книжных жанров и официально-делового письма? Решение этих вопросов требует обращения к проблеме «литературного этикета» в древне- и старорусской письменности. Литературные формулы – это «сходные описания сходных ситуаций, которые мы встречаем в тексте летописей, воинских повестей, житий» [Творогов О.В. 1964. Т. 20, с. 29]. Рассматривая контексты со значением просьбы, благодарности, упрека и т.д. предельно

обобщенно: как выражение (но не описание) лично важно события – состоявшегося контакта – можно предположить, что в текстах писем отражено устойчивое восприятие ситуации социального взаимодействия, и оно вербализуется в устойчивых формулах общения. При этом все же необходимо четко осознавать, что содержание понятий «литературный этикет» и «речевой этикет» далеко не совпадает; каждое связано с отдельной филологической проблемой, концепцией, принципами отбора и осмысления материала и т.д.; тем не менее, при изучении системы формул эпистолярного общения в письменных памятниках продуктивным и оправданным видится подход, синтезирующий их.